

УДК 821.161.1-192(Кинчев К.):821.161.1-3(Гоголь Н. В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+Ш33(2Рос=Рус)5-8,44
ВАК 5.9.3
ГРНТИ 17.07.25

Д. И. ИВАНОВ

Сиань (Китай)

В. В. ВАРАВА

Москва (Россия)

ХРИСТИАНСКОЕ ПОЗНАНИЕ МИРА КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ И К. КИНЧЕВА

Аннотация. В статье проводится исследование концептуально-смыслового ядра феномена «христианского познания мира» в творчестве Н. В. Гоголя и К. Кинчева. Установлено, что концепт христианского познания мира является радикальной идейной альтернативой широко распространённой теории «искусства для искусства». Анализируя творчество К. Кинчева, в котором проявлены многие эτικο-эстетические максимы Н. В. Гоголя, раскрывается собственный этос отечественного культурного творчества, направленного в сторону духовного преображения мира.

Ключевые слова: христианское познание; русская философия; русская литература; русские писатели; русский рок; рок-поэты; рок-поэзия; литературное творчество; эстетика; духовное преображение

Сведения об авторе: Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор института русского языка Сианьского университета иностранных языков.

Контакты: 710128, провинция Шэньси, г. Сиань, ул. Вэньюань Наньлу, Сианьский университет иностранных языков, кампус Чанань; Ivan610@yandex.ru

Сведения об авторе: Варава Владимир Владимирович, доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ.

Контакты: 125993, г. Москва, ул. Барышевская роща, 22; vladimir_varava@list.ru

D. I. IVANOV

Xian

V. V. VARAVA

Moscow

CHRISTIAN WORLD COGNITION AS A BASIS OF N. V. GOGOL'S AND K. KINCHEV'S CREATIVE WORK

Abstract. This article carries out the study of the conceptual-semantic core phenomenon of the “Christian world cognition” implemented in the works of N. Gogol and K. Kinchev. The study found that the concept of Christian world cognition is a radical ideological alternative to the widespread theory of “the art for the art”. Analyzing the work K. Kinchev in which many ethical and aesthetic maxims of N. Gogol are manifested, the own ethos of national cultural creativity, directed towards the spiritual transformation of the world, is revealed.

Keywords: Christian knowledge; Russian philosophy; Russian literature; Russian writers; Russian rock; rock poets; rock poetry; literary creativity; aesthetics; spiritual transformation

About the author: Ivanov Dmitry Igorevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xian International Studies University.

About the author: Varava Vladimir Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Искусство всегда ищет для себя оснований, несмотря на достаточно сильную традицию самообоснования, которая идёт от сторонников «чистого искусства» или «искусства для искусства». Но и у них при более глубоком исследовании также оказываются некие гетерономные принципы, как правило, коренящиеся в личности самого художника, в его часто непроявленных мотивах и желаниях. Не вдаваясь в историю вопроса, можно сослаться на Ш. Бодлера, на его мысли из «Моего обнажённого сердца», который традиционно считается одним из главных протагонистов этой теории.

Эти фрагменты, относящиеся к «Посмертным произведениям», содержат в себе действительно сокровенные мысли поэта. Так, он заявляет, что у него нет ни убеждений, ни основы для убеждений. И при этом пишет: «И всё же у меня есть несколько убеждений – в более возвышенном смысле, который не может быть понят моими современниками» [3, с. 11]. Эти убеждения, не высказанные напрямую, формулируются у Бодлера в виде таких вопросов: «Где наши умершие друзья? Зачем мы здесь? Приходим ли мы откуда-нибудь? Что такое свобода? Может ли она согласоваться с законом провидений?» [3, с. 12]. Вопросы, которые в традициях русской культуры принято называть «проклятыми», однозначно выводящие за горизонт чистой эстетики.

И ещё важный момент. В этом тексте Бодлера есть следующая молитва: «Дай мне силы незамедлительно исполнять свой каждодневный долг и так стать героем и святым» [3, с. 26]. Очень показательно, поэт не называет себя художником или гением, но стремится стать героем и святым. То есть моральным, прежде всего, персонажем. И вообще, с его точки зрения: «Величайшие среди людей – поэт, жрец и воин. Тот, кто поёт, кто приносит жертвы, и тот, кто жертвует собой» [3, с. 27]. Явно уход от эстетики в сторону этики и метафизики. Всё это свидетельство того, что, в данном случае, речь идёт не об «искусстве для искусства», но, по крайней мере, об этико-эстетическом синтезе, как наиболее органичном для Бодлера. И так с любым представителем чистого искусства.

Для русской культурной традиции особенно значимы духовные и нравственные критерии произведений искусства. Пожалуй, теория «искусства для искусства» именно в России нашла наименьшее количество сторонников. Разумеется, за некоторым исключением, особенно в Серебряном веке. Но это всё же исключение. Самые крупные фигуры этого периода

никогда не были апологетами чистого искусства. Очень показательна в этом плане статья Марины Цветаевой «Искусство при свете совести», которая уже одним самим названием говорит против идеи «искусства для искусства». Цветаева говорит о святости искусства, о нравственном законе в искусстве, об искусстве без искуса, об ответственности художника, в конце концов.

Эта во многом противоречивая, но примечательная статья содержит много мыслей о приоритете этического, вообще о духовной и нравственной миссии искусства. И несмотря на то, что, в конечном счёте, она утверждает, что нет над поэтом никакого высшего суда, кроме самосуда, что если и судят поэта, то за дела, а не за стихи, можно сказать, что это литературно-философский манифест, характерный именно для отечественной эстетики с её духовно-нравственным приоритетом. Вот некоторые мысли из этой статьи, подтверждающие данную идею: «Произведение искусства – то же произведение природы, но долженствующее быть просвещённым светом разума и совести. Тогда оно добру служит, как служит добру ручей, крутящий мельничное колесо» [17, с. 73].

А вот слова о том, какое воздействие производят строки Пушкина, в данном случае, строки песни Председателя из драмы Пушкина «Пир во время чумы»: «Очнёмся – от чары, проснёмся – от сна, того мёртвого сна совести с бодрствующими в нём природными – нашими же – силами, в который нас повергли эти несколько размеренных строк» [17, с. 74]. Не менее важными здесь представляются слова о Гёте: «Чем поэт духовно больше, то есть чем руки, его держащие, выше, тем сильнее он эту свою держимость (служебность) сознаёт. Не знай Гёте над собой и своим делом высшего, он никогда бы не написал последних строк последнего Фауста. <...> По существу вся работа поэта сводится к исполнению, физическому исполнению духовного (не собственного) задания» [17, с. 86–87].

Цветаева говорит, что этот «этический подход» есть чисто русское явление, «только русское лицо высоты»: «Наш утилитаризм – то, что в пользу духу. Наша “польза” – только совесть» [17, с. 87]. Россия, говорит Цветаева, всегда ходила к писателям за правдой. Упоминает она и о Гоголе, «который из любви к нашим живым душам свои Мёртвые – съёг. На огне собственной совести» [17, с. 82]. Данное упоминание не случайно, поскольку именно Гоголь является родоначальником этой традиции правдоискательства и взыскующей совести, без которого нет настоящего творчества.

Н. В. Гоголь первым в отечественной культуре поставил вопрос о нравственной и, конкретнее, о религиозной оправданности искусства. В. В. Зеньковский много писал о Гоголе, раскрывая различные ипостаси его личности: как писателя, человека, религиозного мыслителя. Последний аспект особенно важен для нашей темы. К 150-летию со дня рождения Гоголя, в 1959 году, В. В. Зеньковский писал, что Гоголь – одновременно и гениальный писатель, и глубокий идейный искатель, занятый темой о преобразовании и обновлении жизни на религиозных началах. Искусство

естественным образом подпадало под этот закон религиозно-нравственного освящения.

Заветная мечта Гоголя, как отмечает Зеньковский, поучать и наставлять, и в целом «служить правде»; и это начало несмотря на то, что оно не было полностью реализовано, было в личности писателя определяющим. И здесь ему принадлежит абсолютное первенство. «Гоголь действительно был придавлен и сложностью, и какой-то необъятностью его основной идеи, – пишет Зеньковский, – но он остался в самой теме вождём всех нас, чьё сердце живёт мыслью о перестройке жизни в духе Православия, в противовес разным духовным неправдам, приведшим на Западе к торжеству пагубного и бесплодного секуляризма. <...> всем своим пламенным устремлением к Христовой правде, к её воплощению в жизненных отношениях он остался живым и вдохновенным пророком обновления жизни» [7, с. 337, 338].

Близки Гоголю в этом плане, отмечает Зеньковский, оказались многие в русской культуре, в том числе Толстой, Достоевский, Соловьёв, Бердяев, Булгаков, Франк и ещё многие, вплоть до Пастернака. И мы видели, что и до Цветаевой. Это составляет этикоцентризм русской философии и литературы, который часто несправедливо смешивают с морализмом. Но эти явления никак не связаны друг с другом; если морализм (или морализаторство) – это неоправданное и заносчивое учительство, в котором проявляется лишь человеческая гордыня и высокомерие, то этикоцентризм – это обращение, прежде всего, к нравственной проблематике: к вопросам жизни и смерти, добра и зла, страдания и счастья. И размышления в этой области оказывают важное преобразующее действие. Даже сами размышления имеют высокий статус и значимость, а их отсутствие пагубно сказывается на всей духовной жизни общества.

Кстати, о значимости этической рефлексии и пагубности её отсутствия в современной ему Германии писал Ф. Ницше в своих «Несвоевременных размышлениях» гораздо позже Гоголя, в 70-е годы XIX века. В «Шопенгауэре как воспитателе» он пишет: «Где, собственно, мы найдём для нас всех, учёных и неучёных, знатных и простых, на нравственные образцы и знаменитости среди наших современников, – видимое воплощение всей творческой морали нашего времени? Куда, собственно, делось всякое размышление о нравственных вопросах, которое ведь во все времена занимало каждое благородное общество? Таких знаменитостей более нет, и нет такого рода размышления; фактически мы живём унаследованным капиталом нравственности, который накопили наши предки и который мы умеем не умножать, а только расточать; о таких вещах в нашем обществе или вообще не говорят, или говорят с такой первобытной неумелостью и неопытностью, которая не может не вызвать негодования. Этим и объясняется, что наши школы и наставники просто игнорируют нравственное воспитание или ограничиваются формальностями; и добродетель

есть слово, при котором учитель и ученик не мыслят уже ничего» [16, с. 327].

В этом плане можно сказать о пророческом значении Гоголя, который провидел ситуацию не только в России, но и во всём христианском мире, в Западной Европе, о чём засвидетельствовал Ницше в указанном выше фрагменте.

При этом Зеньковский отмечает очень важную вещь (обратим ещё раз внимание, что это 1959 год): «Но тема Гоголя всё ещё остаётся только темой, и её историческое выявление есть вообще дело не теоретической разработки, а жизненного творчества. Все вековые осложнения и недоразумения, скопившиеся вокруг проблем «рехристианизации» жизни, стоят и сейчас, лишь частично кое в чём размягчённые» [7, с. 337]. Таким образом, дело Гоголя – это определённое задание, которое должны выполнять все последующие поколения, возвращая жизнь в духовное и нравственное русло, из которого его выбивают, как говорит Зеньковский, «яды секуляризма». И касается это не только начала и середины XX века; это то, что имеет самое непосредственное отношение к нашему времени, которое переживает сходные процессы и проблемы, которые понял и зафиксировал впервые Гоголь.

И здесь мы можем отметить одно очень интересное и показательное явление, свидетельствующее о живости идей Гоголя и непрерывности отечественной духовной традиции. Речь идёт о таком явлении как русский рок, чья духовная эволюция проходит все те этапы в своём развитии, которые отмечены Гоголем и многими его последователями. Это первоначальное отторжение религиозного идеала, вообще духовности, нигилизм и атеизм, затем серьёзные нравственные поиски, сопровождаемые экзистенциальными муками, и в итоге обретение религиозной истины в Православии.

Этот путь прошли многие отечественные рок-музыканты. Нам хотелось бы остановиться на творчестве поэта и рок-музыканта Константина Кинчева, для которого творчество Гоголя всегда имело огромное значение. Путь Кинчева показателен не только для отечественной рок-сцены, но вообще для творческой личности, которая в России подвержена особым духовным поискам, часто трагическим, но вне которого он не может состояться в качестве художника (в широком смысле).

В этом контексте мы говорим не просто о духовном поиске, но именно о религиозном, христианском идеале, о котором применительно к Гоголю так много и глубоко говорил В. В. Зеньковский. Более того, речь идёт о христианском познании мира как основе для творчества. Здесь важен этот аспект: не просто христианская вера, которая может носить и статический, или, как говорил Н. Ф. Фёдоров, «бездеятельный характер», но христианское познание, которое предполагает помимо веры, ещё и духовную активность, направленную на познание (понимание) мира с точки зрения христианской этики и метафизики.

Здесь важен следующий вопрос. Если для Гоголя определяющим является религиозное обновление жизни, творчества и культуры в целом, то насколько современная рок-музыка может выполнить эту задачу? И хотя уже давно канул в лету идеологический образ рока как носителя деструктивных и негативных процессов, всё же вопрос о духовном потенциале этого феномена современной культуры остаётся открытым. Нам представляется, что раскрытие глубинных творческих интенций К. Кинчева в сравнении с идеями Гоголя о религиозно-нравственной миссии искусства во многом прояснит этот вопрос.

Два начала определяют жизненный и творческий путь Гоголя. Это художественное (эстетическое) и религиозно-нравственное. Если первое, рано проявившись, дало конкретные результаты в виде литературного признания, то второе, так же изначально бывшее в нём, не имело такого успеха, как его писательская карьера. Гоголь всю жизнь чувствовал своё духовное призвание, которое весьма трудно и мучительно пробивало себе дорогу. И уже к концу жизни Гоголя у него сложилась определенная репутация. В. А. Жуковский в письме Гоголю 1850 года обращается к нему с просьбой описать свои впечатления от путешествия по Святой земле, которые понадобились поэту для его поэмы «Странствующий жид». Вот, что пишет Жуковский: «Мне нужны локальные краски Палестины. Ты её видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения» [6, с. 474].

Очень важное определение Жуковского, данное Гоголю – «христианин и поэт». Причём христианин на первом месте. Для задуманного Жуковским произведения, которое требовало одновременно и религиозного переживания, и художественного видения лучшей фигуры, чем Гоголь найти было нельзя. Христианское начало Гоголя, которое жило в нём не только в плане личной религиозности, но именно, как духовное начало, необходимое для искусства, проявилось в нём довольно рано.

В письме тому же Жуковскому, которое написано двадцатью годами раньше, в 1831 году, Гоголь достаточно ясно выразил свою эстетическую позицию, которая характеризовала всю его творческую жизнь. Когда он узнал, что Жуковский окончил свою «Сказку о царе Берендее», а Пушкин – «Сказку о царе Салтане», то его охватывает восторг по поводу поэтического будущего России. Пафосно, наивно, но искренне он пишет Жуковскому: «Боже мой, что будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имеют место, где возносить умиленные молитвы свои. Как прекрасен удел ваш, великие зодчие! Какой рай готовите вы истинным христианам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников, ренегатов и прочего сброду: они не понимают вас и не умеют молиться. Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?..» [4, с. 70].

Это весьма примечательно, что Гоголь, восторгаясь поэтическими произведениями, определяет их для «истинных христиан». Значит, в под-

линных произведениях художественного творчества уже содержится «божественная искра», духовное начало, даже если они сами по себе и не имеют прямого религиозного содержания. Религиозное и художественное проникают друг в друга, составляя целостность, которая отличает истинное произведение искусства. Такие идеи будут только крепнуть в Гоголе, и на передний план будут выходить религиозно-нравственные идеи, которые оттеснят эстетические.

В итоге это выльется в самое неоднозначное его произведение – «Выбранные места из переписки с друзьями», в котором писатель утверждает приоритет религиозного-нравственного начала для творческой деятельности. Как духовное кредо звучат его знаменитые слова: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом – в те поры, когда не пришла ещё в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло» [5, с. 198].

А вот творческий совет Н. М. Языкову: «Перечитывай строго Библию, набирайся русской старины и, при свете их, приглядывайся к нынешнему времени» [5, с. 245]. Несмотря на откровенный идеализм и моральный радикализм этих заветов Гоголя, в них сформулирована однозначная установка на приоритет религиозного перед светским, и соответственно, попытка выстроить духовную линию творчества, в свете которого оно и может быть оправдано. Творчество – это не только отображение, выражение и прочие установки миметической парадигмы; творчество – это ещё и познание, познание самой истины, и поэтому такое познание должно свершаться через призму христианского вероучения. Иначе, творчество есть особый род *христианского познания мира*. И нужно сказать, что в дальнейшем, несмотря на значительную критику Гоголя со стороны литературного сообщества, так или иначе наиболее видные писатели и поэты, включая и Ф. М. Достоевского, и Л. Н. Толстого, и М. Цветаеву, придерживались именно этой установки.

Таким образом, ориентация на Гоголя в творческих исканиях представителей искусства (в самом широком диапазоне) есть некий духовный инвариант, более того, типологическая черта отечественной культуры.

Если синтезировать эти и другие установки Гоголя на сущность творческой деятельности в свете христианского познания, то на первый план выдвигается позиция самоотверженного подвига-служения людям-миру-Богу-жизни. При этом главной целью такого подвижничества становится осознание истинной природы христианской любви, зарождающейся и живущей в душе человека вопреки страху, сомнениям и «болезненной разобщенности» с самим собой. Иными словами, познание «себя / мира-в-Боге», являясь специфической формой стремления к *недостижимому* (Богу, Иде-

алу, Абсолюту), раскрывается перед Н. В. Гоголем в виде системы взаимообусловленных ступеней. В максимально обобщенном виде эту систему можно представить следующим образом: а) познание мира есть служение-«искупительное страдание-боль»-подвиг; б) познание мира есть инструмент духовного прозрения человека; в) познание мира есть движение-любви к людям, основанной на христианском милосердии и сострадании (любви-к-Богу); г) познание мира есть духовно-ментальный опыт самоотречения во имя обретения духовного единства с самим собой / миром / Богом / «Мировой душой»; д) познание мира есть способ духовно-нравственного самоопределения личности.

Эта модель христианского познания мира, намеченная Гоголем, применима к творчеству практически любого поэта, писателя, художника, музыканта. Применима она и к творчеству отечественных рок-музыкантов. Весьма схожую интерпретацию необходимого для духовного возрождения человека процесса познания мира (как особой формы стремления к недостижимому), в рамках моделирования христианско-религиозной версии творчества, предлагает и К. Кинчев. Наиболее полно она представлена в композиции «Пасынок звёзд»: «От земли имя принять и оставить дом, / До небес ладить костры по седым ручьям, / Ворожить словом грозу и услышать гром, / Да глядеть солнцу в лицо, как в глаза друзьям. / По ночам бредить луной да перечить сну, / На заре выплеснуть боль алым облакам, / По земле песней лететь от окна к окну, / И упасть чёрной звездой к твоим ногам. / А к утру выпадет снег, и закружит день, / Отпоёт вьюга-гроза по сугробам лет, / И из гнёзд пасынка звезд позовёт метель, / От земли имя принять, да зажечь к весне рассвет. / По ночам бредить луной да перечить сну, / До небес ладить костры по седым ручьям, / По земле песней лететь от окна к окну, / Да глядеть солнцу в лицо, как в глаза друзьям. / Да охранит тебя Солнце от мутных зрачков! / Да охранит тебя Солнце от грязного рта! / Да охранит тебя Солнце от чёрных присяг! / Да оделит тебя Солнце глазами любви!» [8].

Из этой композиции видно, что стремление к христианскому познанию мира в сознании К. Кинчева сопряжено с процессом духовно-ментального, болезненно-противоречивого, но спасительного единения земного (мирского) и Небесного (божественного), воплощённого в целостных образах «мировой души» и «построения неба на земле». Процесс, определяемый поэтом как «принятие имени земли», приобретает сакральное значение. Дело в том, что, оставляя «свой» дом, поэт выходит в мир иного «бытия». При этом сознание его трансформируется. Пройдя своеобразный обряд посвящения (*отказ от «своего» имени* (ложного предназначения), целью которого был процесс дисгармоничного самообожествления) / *принятие имени земли* (обретение предназначения истинного, целью которого становится единение с «обожествленным миром» и внутреннее самоотречение), К. Кинчев обретает внутреннюю свободу. Поэт освобождается от псевдоидеалов и «дурных» предубеждений. Привычная для каждого из нас модель формальной логики

теряет свою актуальность. Её место занимает алогизм и вера в то, что в «нормальном» мире воспринимается, как безумие. Однако именно это «безумие» и становится в глазах Господа мудростью, позволяющей каждому человеку переродиться и увидеть «себя в новой сути».

Всё это позволяет говорить о смене духовно-ментального и познавательного элемента в творчестве К. Кинчева, который проходит те же «архетипические шаги», которые намечены Гоголем. Оставаясь поэтом (демиургом и со-Творцом) («До небес ладить костры по седым ручьям, / *Ворожить словом грозу и услышать гром*»; «*По земле песней лететь от окна к окну, / Да глядеть солнцу в лицо, как в глаза друзьям*»), он превращается в юродивого, в «пасынка звёзд»¹ («*По ночам бредить луной да перечить сну, / На заре выплеснуть боль алым облакам, / По земле песней лететь от окна к окну, / И упасть чёрной звездой к твоим ногам*»), поступки которого для большинства непонятны и даже противоестественны.

Парадокс состоит в том, что преодолеть искусственно созданные рамки духовно-нравственной разобщённости и прийти к единению душ человеческих, можно только путем привнесения мудрости Божьей в мир, воплощенной в форме мудрого безумия юродивого. На первый взгляд, данный тезис выглядит весьма сомнительно и противоречиво. Действительно, может ли недоступное, непонятное и зачастую просто отвергаемое простым человеком мудрое безумие юродивого стать источником духовного единения людей, основу которого составляет любовь к Богу?

Заметим, что естественность данного противоречия заложена в самой природе человека и поэтому истинным противоречием не является. Это обусловлено тем, что во внешнем отторжении мудрого безумия (объединяющей людей Истины) проявляется потенциальное её принятие, выраженное в смятении душ, отвергающих его, и укреплении духа отвергаемого (юродивого). Внутреннее смятение, разрушение привычных для человека моделей поведения и восприятия себя («другого-в-себе») / «мира-для-себя» («мира-для-другого-в-себе»), привнесенное соприкосновением с мудрым безумием есть знак потенциального пробуждения личности, про-

---

¹ На наш взгляд, появление субъектно-ролевой инкарнации «пасынок звёзд» в самоидентификационной системе К. Кинчева обусловлено внутренним стремлением к фиксации органической целостности поэтического и божественного начал, основой которой является, отождествлённая с жизнью-Богом, любовь. Как известно, к утверждению этого же тезиса всегда стремился А. Башлачёв, в текстах которого также встречаются похожие самоидентификационные инкарнации. Приведём конкретный пример: «Холодный апрель. Горячие сны. / И вирусы новых нот в крови. / И каждая цель ближайшей войны / Смеётся и ждёт любви. / Наш лечащий врач согреет солнечный шприц. / И иглы лучей опять найдут нашу кровь. / *Не надо, не плачь. Сиди и смотри, / Как горлом идёт любовь. / Лови её ртом. Стаканы тесны. / Торпедный аккорд – до dna! / Рекламный плакат последней весны / Качает квадрат окна. / Эй, дырявый висок, слепая орда, / Пойми, никогда не поздно снимать броню. / Целуй кусок трофейного льда, / Я молча иду к огню. / Мы – выродки крыс. Мы – псыныки птиц. / И каждый на треть до сих пор патрон. / Лежи и смотри, как ядерный принц / Несёт свою плеть на трон. / Не плачь, не жалей. Кого нам жалеть? / Ведь ты, как и я, сирота. / Ну, что ты, смелей! Нам нужно лететь! / А ну от винта! Все от винта!» [1, с. 94–95].*

явление активности живой, ищущей Истины и гармонии, страждущей души человека.

Отдельно необходимо сказать о том, что в композиции «Пасынок звёзд» К. Кинчева удаётся не только актуализировать все формы реализации христианского познания мира, такие как: а) познание как служение-«искупительное страдание-боль»; б) познание как подвиг; в) познание как инструмент духовного прозрения человека; г) познание как движение-к-любви (к людям / к Богу); д) познание как духовно-ментальный опыт самоотречения; ж) познание как способ духовно-нравственного самоопределения личности), но и определить общие закономерности воплощения духовно-ментального процесса «укоренения» мудрого безумия (Истины Божьей) в душе человека. По мнению К. Кинчева, процесс этот состоит из четырёх последовательно реализующихся этапов: 1. «Да охранит тебя Солнце от мутных зрачков!» 2. «Да охранит тебя Солнце от грязного рта!» 3. «Да охранит тебя Солнце от чёрных присяг!» 4. «Да оделит тебя Солнце глазами любви!» [8].

Рассмотрим подробнее каждый этап, поскольку каждый такой этап показывает путь христианского познания мира, характерного для современного представителя рок-культуры.

Первый этап («Да охранит тебя Солнце от мутных зрачков!»). Человек, соприкоснувшийся с мудрым безумием, обретает реальную возможность видеть, ощущать и воспринимать внешнюю и внутреннюю стороны своего бытия по-новому. Мудрость Божья исцеляет человека от «духовной слепоты», которую Н. В. Гоголь называет «слепотой куриной», и дарует ему возможность увидеть мир и самого себя в мире глазами христианина. С глаз человека спадает пелена «ветхой мути» (К. Кинчев) и то, что раньше казалось ему истинным (стремление к самообожествлению), ценным (поиск внешнего комфорта), определяющим (осознание присутствия «мудрости-в-себе» и «для-себя») предстаёт перед прозревшим человеком в новом свете: истинное превращается в ложное, ценное в ничтожное, а определяющее становится самообманом.

Второй этап («Да охранит тебя Солнце от грязного рта!»). Конструктивно-созидательное воздействие мудрого безумия на душу человека усиливается. Это связано с тем, что процесс освобождения от «визуальных химер» (духовной слепоты) порождает в человеке ощущение внутренней ответственности за каждое производимое им речемыслительное действие (произнесённое / произнесённое слово). Причём ответственность в данном контексте есть специфическая форма воплощения органического синтеза оценочно-волевых интенций личности и божественной «сверхволи». Ощущение «ответственности-в-себе» – это знак присутствия, отражённой в душе и в слове человека «ответственности-перед-Богом». При этом каждое произнесенное человеком слово является реальным духовно-ментальным действием (поступком), за который, в конечном итоге, придётся держать ответ не только перед самим собой и перед тем, к кому это

слово-действие обращено, но и перед Богом: «Горько мутным держать ответ, / Там, где видишь себя в лицо. / Страшно вымолвить – Смерти нет! / Коль на пальце её кольцо» [14].

Третий этап («Да охранит тебя Солнце от чёрных присяг!»). Ощущение внутренней ответственности перед самим собой / перед Богом разрастается и укореняется в сознании человека. Заметим, что процесс этот является следствием переживания пограничного состояния, которое условно можно назвать духовно-ментальным катарсисом, суггестивным аффективным шоком. Пребывая в этом состоянии, сознание человека на некоторое время «освобождается» от самого себя и «сливается» с миром. Благодаря активизации этого аффекта (временного «отсутствия-в-себе») сознание человека, слитое с миром и «мировой душой», «освобождается» от того, что человек привычно «считает собой». Он получает возможность, хотя и неосознанного, но возвращения «к-себе», как к части одухотворённого мира, созданного по образу и подобию Божьему. В этот момент он не осознаёт «воли-в-себе», так как душа его неотделима от «сверхчувственной экстатической точки», от неосознанного ощущения присутствия-в-себе Истины Божьей (мудрого безумия, божественной «сверхволи»).

При этом аффективная неосознаваемость «воли-в-себе» не означает её полного отсутствия в человеке. Это обусловлено тем, что сама воля человека принадлежит ему лишь отчасти, так как является субъективированной, психоэмоциональной проекцией «божественной-воли-в-себе». Соответственно, сам человек является всего лишь своеобразным носителем и проводником Воли Господа в мир. Вот почему эффект неосознаваемости «воли-в-себе» существенно повышает когнитивно-ментальную активность «изначальной» дарованной человеку «сверхволи» божественной.

Принципиальным здесь является то, что даже после «выхода» из состояния суггестивного аффекта в сознании человека сохраняется «память» об аффекте («аффективный след»). Божественная «сверхволя» продолжает жить в душе человека, сохраняя свою активность. Заметим, что присутствие «аффективного следа» «в-себе» может идентифицироваться человеком по-разному: а) либо как «память греха» (внутреннее ощущение собственного несовершенства); б) либо как нарастающее чувство внутренней ответственности.

Однако результат подобной идентификации всегда один и тот же: человек рано или поздно встаёт перед выбором. Каждый, следуя голосу своей совести (субъективированной, духовно-нравственной проекции божественной «сверхволи»-в-себе), должен определить свой истинный когнитивно-ментальный статус по отношению к главному источнику порождения всего сущего (Господу Богу), самому себе, миру («мировой душе»). Ключевыми характеристиками этого выбора становятся: а) постоянство; б) онтологичность; в) неизбежность. Уклониться от него невозможно, так как каждый из нас причастен к мудрости Господа. Соответственно, выбор этот перманентен и, в определённой степени, отождествлён с процессом

проживания самой жизни. Встав на путь выбора, человек получает возможность «отстраниться» от «себя-в мире» и обрести «христианина-в-себе». Ситуация внутреннего отстранения от мирской суеты позволяет человеку посмотреть на себя и мир глазами мудрого безумия (Истины Божьей). В сущности, у человека есть только два варианта выбора.

Первый вариант. Человек должен отказаться от «Бога-в-себе», поддаться искушению «лёгкого» выбора, «раствориться» в омуте безверия, самообмана и опустошающей душу «избыточной», греховной аффективности.

Второй вариант. Человек, оказавшись под воздействием «освобождённой» в душе его Истины Божьей (божественной «сверхволи»), может отказаться от грехотворения, открыть свою душу мудрому безумию, встать на путь обретения бытия к «Богу-в-себе» и принять обряд Крещения, то есть войти в Светлое воинство Христово¹. Именно этот вариант выбора, в конечном итоге, принимают для себя Н. В. Гоголь и К. Кинчев.

Четвёртый (заключительный) этап («Да оделит тебя Солнце глазами любви!»). Процесс последовательного «проникновения» мудрого безумия в душу человека завершается. При этом в сознании посвящённого человека изменяется не только функциональная направленность Истины Божьей, но и её духовно-ментальный статус. На этом этапе она не просто оберегает душу человека, но и вознаграждает её за «труд духовный», открываясь в своей подлинной ипостаси. Она «одевает» человека, так как она и есть та великая всепрощающая, жертвенная, искренняя любовь, которую ищет в себе и мире человек. Определяя сущность любви, А. Башпачёв замечает: «Если любишь постоянно, с утра до вечера, каждую секунду любишь всё, что вокруг тебя... Или ненавидишь, это всё равно – любовь, это – осознанное чувство. Совершенно осознанное, но не рациональное. Это просто то, что даёт тебе счастье, даёт тебе силы жить, даёт тебе силы радоваться, видеть во всех друзьях и быть нормальным, открытым, честным человеком. В тебе есть всё! Это единственная вещь, которая всегда с тобой! Тебе должно быть стыдно делать дурные поступки, потому что любовь всегда с тобой, как ты можешь её обманывать» [2, с. 407]. Соответственно, любовь

---

¹ Смысл подобного духовно-ментального самоидентификационного статуса истинного христианина достаточно чётко определил П. Мамонов: «Своя проблема – собственная душа. Насколько мне по милости своей Господь открывает во мне гадости – вот с этими гадостями и надо мне воевать. Если я лежу или в буквальном, или переносном смысле, то я жизнь проживаю зря... Если я воюю... Ведь христианство – это воинство, это воины Христовы... Против кого же борьба наша? Против духов злобы. Не против себе подобных, не против плоти и крови, не против «ах, он гад... как он мог»... Нужно в человеке всегда видеть образ Божий, икону, одержимую бесовской силой. Вокруг нас очень много духов злобных летают. Что они хотят? Какая их цель? Их конечная цель – наша погибель, а действуют они путём разделения. Они “разделяют” нас непониманием, раздражением, осуждением, обидой... Одно из имён дьявола – Разделяющий <...> А человек не виноват <...> Мы все больны “наглухо”... Кто на голову, кто на ноги, кто на сердце, кто на чувства, эмоции... Поэтому давайте будем нисходить друг к другу... Снисходительно относиться, помнить о том, что все больны, повреждены грехом... И только Бог наш Свят...» [15].

является главным источником жизненной силы духа человеческого в мире. Она, отражающаяся со всём и всё исцеляющая, есть основа целостности и гармонии «Мирового духа» и «мировой души».

Из этого следует, что по-христиански понимаемая и осознаваемая Любовь есть Бог. Именно она и становится ключевым, системообразующим компонентом всех базовых (целевых, самоидентификационной, инструментально-операциональных) подсистем христианской когнитивно-прагматической программы К. Кинчева. Вот два примера из его лирики: «А в небе сила – любовь! / Божья воля – закон! / Смертью смерти поправ / Дышит вечность с икон. / Да святится Имя твоё / На все просторы Руси!» [9]; «Там, радуга-дуга / Ладит от земли / Мост в облака, / А выше облаков / Дышит, как живёт / Мир да Любовь!» [10].

Кроме этого, важным аспектом духовно-ментальной перекодировки творческой стратегии К. Кинчева является то, что в основе его самоидентификационной модели, центром которой должна была бы стать субъектно-ролевая инкарнация «воин», лежит неделимая, тройственная трансформация «инок-воин-шут». Факт её формирования вполне закономерен. Дело в том, что цель К. Кинчева-воина, так же, как и Н. В. Гоголя, призывающего к тотальному истреблению «зла-в-себе», состоит не в разрушении, а в возрождении гармонии души и духа через внутреннюю борьбу с деструктивно-демоническим воздействием «сверхволи». Соответственно, основной принцип новой инструментальной стратегии можно определить так: разрушая «зло-в-себе» (и «в-других») мы очищаем душу свою и укрепляем Дух свой; блокируя внутреннюю опустошённость мы «создаём» себя заново, возвращаясь «к-самим-себе» и к «бытию-к-Богу». Вот как сам К. Кинчев описывает специфику этой внутренне созидательной борьбы: «На краю небес / Вырывает бес / Из волос репы-мраки. / Да блюёт на свет / Звёздами побед – / Беса не унять в драке. / Разметать репы / По краям земли / Нынче дураку сила. / Да с небес сорвать / Бешеную тать. / Солнцу помоги, милый! <...> / Не в аду не в раю, / А на самом краю, / Где землёй отродясь / Правил бледный почерк, / *Чтобы свет разметать / Над землю опять, / Бился с мутью дурень три дня / И три ночи. / Свет осенних звёзд вплёл в прядь своих волос, / Солнца луч был в его руке сияньем клинка. / Где трава высока да золотые кольца – / Я там тоже был, этот сказ сложил, / А над нами по сей день горит / Солнце!*» [11]; «Изгой – чужой на земле, / Как солнце в ночи по дороге домой. / *Изгой от века в седле, / Со смертью за жизнь принял бой. Изгой!*» [12].

Естественно, сам факт актуализации этой конструктивно-созидательной стратегии в программах Н.В. Гоголя и К. Кинчева не означает, что они смогут одержать окончательную победу и полностью освободиться от деструктивного воздействия, подавляющей человека «сверхволи». Здесь, как и в предыдущих случаях, важен не конечный результат, а сам процесс его достижения, воплощённый в форме непреодолимого стремления к поставленной цели. Истинная победа – торжество «Духа

Святого-в-себе» состоит не в «достижении» очередной пустоты, демонически-ускользающей в момент её «обретения» симулятивной копии «победы», отождествлённой с крахом-падением, которой, по метафорическому определению К. Кинчева, «бес блюет на свет». Истинная победа – это сама борьба во имя торжества Духа.

Неслучайно Н. В. Гоголь транслирует свой призыв к истреблению зла (демонической «сверхволи») через обращение Отца-Художника к сыну. Используя этот приём, писатель стремится актуализировать один из главных принципов своей обновлённой христианской программы. Условно его можно назвать принципом иерархически выстроенного, духовно-когнитивного единоначалия и всеобщности, то есть целостности и взаимообусловленности всего живого на земле, источником жизненной силы которого является одухотворяющая Божественная Благодать Духа Святого.

Важно, что К. Кинчев, концептуализируя идеально-недостижимую, но единую для всех систему целевых установок, старается зафиксировать не конечное идеальное состояние человека, отождествляемое с полным, гармоничным духовно-нравственным слиянием божественной «сверхволи» и воли человека. Он так же, как и Гоголь, пытается отразить специфику процесса внутреннего стремления к этому финалу. При этом он чётко понимает, что для приближения к поставленной цели человеку необходимо концентрироваться не на результате, а на процессе его достижения. Это обусловлено тем, что «финал» каждого из нас определяется не глубиной «внезапного прозрения», не «предсмертным искуплением» и самой смертью, но качеством ежесекундного проживания жизни. Подтверждением этого тезиса являются следующие строки поэта: *«Сколько не кривляйся, сколько не лги, / Чуриками вечность не взять, / Тухлые болота сжимают круги, / Хохотом заходится тать. <...> Кто в жизни утверждался “подкидным дураком”, / К финишу пришёл в дураках»* [13].

Из этого следует, что делом жизни человека является сама жизнь, осознаваемая им не как «неизбежный» результат, ведущий его к жизни вечной (спасению души, гармонизации души и духа, единению с Богом), но как вечное стремление к результату, сопряжённое с постоянным внутренним самопреодолением, реализующимся в тотальном «изживании» из себя привычной, внешне комфортной духовно-ментальной разобщённости «себя-с-собой», «себя-с-другими», «себя-с-Богом».

Итак, подведём итоги. В результате проделанного анализа мы видим, что основные «духовные задания» для творчества К. Кинчев получает от Н. В. Гоголя, который не только сам прошёл путь от искушения эстетизации inferнального до внутреннего духовного преображения, но и зафиксировал это и в своих художественных и публицистических работах. Этот путь духовной эволюции можно назвать христианским познанием мира, поскольку он раскрывает такие глубины мироздания, которые недоступны человеку, обобщённому внешними проявлениями мира. Для творчества

они оказываются важнейшим «материалом», существенно видоизменяя его в сторону просветлённого понимания смысла своей жизни.

К. Кинчев в своей жизненной и творческой эволюции также прошёл путь от прельщения инфернальным до внутреннего религиозного самопреодоления, что становится основным источником стремления к духовному перерождению. Оно так же, как и «память о грехе», укоренено в сознании человека, определяя не только естественно-парадоксальную, противоречивую целостность его души, но и раскрывая внутренний механизм взаимотражения настоящего, прошлого и будущего друг в друге. Именно поэтому взгляд в прошлое позволяет человеку не просто найти своё место в настоящем, но и моделировать своё возможное (идеальное) будущее.

Этим и объясняется тот духовно-патриотический накал, обращение к своему героическому историческому прошлому, который отличает творчество К. Кинчева зрелого периода. В этом он следует совету Гоголя, который мы уже приводили выше, но сейчас хотим завершить этим статью: «Перечитывай строго Библию, набирайся русской старины и, при свете их, приглядывайся к нынешнему времени» [5, с. 245]. Это ещё раз подтверждает мысль, что теория «искусства для искусства» с её самодовлеющим эстетизмом, вычеркивающим этическое и духовное начало из творчества, в России не нашла особого сочувствия, поскольку творческие устремления творцов отечественной культуры направлены в сторону духовного преобразования личности, народа и мира.

Литература

1. *Башлачёв А.* От винта / А. Башлачёв // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. – 440 с.
2. *Башлачёв А.* Интервью Борису Юханову и Алексею Шипенко для спектакля «Наблюдатель» / А. Башлачёв // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. – 440 с.
3. *Бодлер Ш.* Моё обнажённое сердце: Статьи, эссе / Ш. Бодлер – СПб.: Лимбус Пресс. 2014. – 528 с.
4. *Гоголь Н. В.* Письма / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 7. – М.: Худож., лит., 1978. – 429 с.
5. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 6. – М.: Худож., лит., 1978. – С. 184–381.
6. *Жуковский В. А.* Сказки; Эпос; Художественная проза; Критика; Письма / В. А. Жуковский // Жуковский В. А. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. – М.: Худож. лит., 1980.
7. *Зеньковский В. В.* Памяти Н. В. Гоголя. К 150-летию со дня рождения / В. В. Зеньковский // Зеньковский В. В. Собр. соч. Т. 1: О русской философии и литературе: Статьи, очерки и рецензии (1912–1961). – М.: Русский путь, 2008. – С. 335–339.

8. *Кинчев К.* Пасынок звёзд. 1993 / К. Кинчев // Тексты песен и альбомы на GL5.RU: сайт. – URL: <https://www.gl5.ru/alisa-pasynok-zvezd.html> (дата обращения: 08.02.2021).

9. *Кинчев К.* Православные. 2000 / К. Кинчев // Тексты песенок: сайт. – URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-alisa-konstantin-kinchev/tekst-pesni-pravoslavnye/1733542/> (дата обращения: 30.01.2021).

10. *Кинчев К.* Солнце-Иерусалим. 2005 / К. Кинчев // Тексты песен и альбомы на GL5.RU: сайт. – URL: <https://www.gl5.ru/alisa-solnce-ierusalim.html/> (дата обращения: 15.02.2021).

11. *Кинчев К.* Дурак и Солнце. 1997 / К. Кинчев // Тексты песен и альбомы на GL5.RU: сайт. – URL: <https://www.gl5.ru/alisa-durak-i-solnce.html> (дата обращения: 16.02.2021).

12. *Кинчев К.* Изгой. 2005 / К. Кинчев // Тексты песенок: сайт. – URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-alisa/tekst-pesni-14-izgoj/1732665/> (дата обращения: 16.02.2021).

13. *Кинчев К.* Моя война. 2005 / К. Кинчев // Тексты песен и альбомы на GL5.RU: сайт. – URL: <https://www.gl5.ru/alisa-moya-vojna.html> (дата обращения: 16.02.2021).

14. *Кинчев К.* Горько. 2008 / К. Кинчев // ТекстПесни2.Ру: сайт. – URL: <https://textpesni2.ru/textpesni.php?songlyrics=38573970> (дата обращения: 06.02.2021).

15. *Мамонов П.* О смысле жизни. 2018 / П. Мамонов. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8UOejw1WANs/> (дата обращения: 25.01.2021).

16. *Ницше Ф.* Шопенгауэр как воспитатель / Ф. Ницше // Ницше Ф. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. – СПб.: Азбука, 2011. – С. 320–402.

17. *Цветаева М.* Искусство при свете совести / М. Цветаева // Цветаева М. Об искусстве. – М.: Искусство, 1991. – С. 72–103.